

Андреев И. Д. [Рец. на:] Ученье и учитель: Педагогические заметки. М.: Изд-е К. П. Победоносцева, 1899 // Богословский вестник 1901. Т. 1. № 2. С. 373–380 (2-я пагин.).

БИБЛИОГРАФІЯ.

Ученье и учитель. Педагогическія замѣтки. Изданіе К. П. Побѣдоносцева. Москва 1899 г.

Новое изданіе К. П. Побѣдоносцева съ виду не внушительно: это брошюра въ шестьдесятъ страницъ. Изъ нихъ около двадцати приходится на переводъ статьи Barneth'a о воспитаніи характера въ школѣ, а остальные заполнены отрывочными замѣтками, афоризмами самого издателя, затрагивающими живые вопросы педагогики и дидактики. Переводной части брошюры мы касаться не будемъ: о ней можно сказать только, что она читается съ немалымъ интересомъ. Насъ привлекають собственно взгляды издателя. Афоризмы, ихъ заключающіе, выгодно отличаются отъ переводной части брошюры яркостью изложенія и оригинальностью содержанія.

Сужденія и совѣты издателя не встрѣтятъ одинаковый пріемъ у читающей публики. Одни изъ этихъ сужденій могутъ быть только подчеркнуты и рекомендованы для всасыванія педагогической литературой и практикой; другія для уясненія настоящаго ихъ значенія требуютъ сопоставленія съ реальными условіями, при которыхъ развивается школьное дѣло; третьи, наконецъ, могутъ и должны быть оспариваемы.

Форма отрывочныхъ афоризмовъ, въ которую облечено разнообразное содержаніе брошюры, избавляетъ и насъ отъ необходимости устанавливать искусственную связь между нашими замѣтками.

Итакъ, отмѣтимъ прежде всего нѣкоторыя наиболѣе яркія и симпатичныя мѣста брошюры. Она начпнается разъясненіемъ важности произношенія и чтенія вслухъ. Авторъ говоритъ: „разумно руководимое чтеніе полубезсознательно, полусознательно подготавливаетъ почву для воспринятія правилъ грамматики и стила, которыя безъ этой подготовки являлись бы лишь мучительнымъ бременемъ для памяти. Всякое твореніе, истинно художественное, въ области слова, пишется и должно писаться помощію не мысли только и зрѣнія, но и помощію слуха: безъ участія слуха не можетъ быть въ немъ той гармоніи слова, которая удовлетворительна для вкуса истинно художественнаго“.

Заслуживаетъ полнаго сочувствія отношеніе автора къ объяснительному чтенію, какъ оно ведется въ школахъ теперь. „Есть методическіе лабиринты, въ которыхъ только опытный и разумный учитель можетъ найти себѣ входъ и выходъ, а неразумный и начинающій путается безъ исхода. Таковъ лабиринтъ прославляемаго *объяснительнаго чтенія*. Разыгрываясь на этомъ широкомъ полѣ, фантазія учителя можетъ довести ученика до оупѣнія, прерывая мысль его въ чтеніи на каждомъ шагѣ и сбивая его съ толку вопросами и внушеніями. Чтеніе какой-нибудь басни превращается у много учителя въ урокъ *de omni re scibili et quibusdam aliis*: точно входитъ онъ въ лѣсъ и спотыкается на каждомъ кустикѣ и деревѣ, забывая совсѣмъ о существенномъ предметѣ урока. Неразумные поклонники этого метода, развивая его, любятъ составлять примѣрные уроки длинныхъ объяснительныхъ чтеній: служа образцами, эти уроки вводятъ одного слѣпца за другимъ въ яму, изъ которой не найдешь выхода“.

Очень любопытенъ взглядъ автора на преподаваніе закона Божія. „Ты преподаешь дѣтямъ Законъ Божій... Больше всего берегись дѣлать изъ Евангелія учебную книгу: это грѣхъ. Это значить въ *ребенкѣ* обезцѣнивать для *человѣка* книгу, которая должна быть для него сокровищемъ и руководствомъ цѣлой жизни. Страшно должно быть для совѣсти разбивать слово жизни на бездушные кусочки и дѣлать изъ нихъ мучительные вопросы для дѣтей“. Тутъ говоритъ сама истина. Отъ себя мы можемъ прибавить, что такая манера преподаванія Закона Божія дѣйствуетъ губительно не только

на дѣтей, но и на юношей. Мелочно придирчивый преподаватель Св. Писанія въ семинаріи почти всегда добивается того, что его ученики безъ ужаса не могутъ смотрѣть на святую книгу и съ этимъ чувствомъ нерѣдко остаются на всю жизнь.

Очень полезныя совѣты авторъ брошюры даетъ начальникамъ учебныхъ заведеній. Начальникъ долженъ *правильно*. „Правильно значитъ прежде всего всегда быть на мѣстѣ, и не полагаясь на силу приказаній, дѣйствовать примѣромъ, быть первымъ работникомъ. Онъ первый не надъ подчиненными, во власти сущими, но первый между коллегами учителями, и долженъ стоять не надъ ними, а посреди ихъ, сохранять и поддерживать ихъ интересъ въ ученіи и наукѣ, оживляя его своимъ интересомъ. Далѣе. Что значитъ правильно? Значитъ уметь отличать существенное отъ несущественнаго, главное отъ мелочнаго, — отыскивать въ дѣлѣ возможное, ощущать добро и разумъ въ каждомъ человѣкѣ. Начальнику школы необходимо, чтобы самъ онъ былъ знающимъ и опытнымъ учителемъ, чтобы имѣлъ призваніе къ учительству, и былъ человѣкъ не только умный, но и одушевленный, притомъ не карьеристъ, высматривающій почестей и возвышенія по службѣ“.

Очень любопытны, наконецъ, взгляды автора, впрочемъ извѣстные и ранѣе, на экзамены. Онъ относитъ послѣдніе къ числу варварскихъ формъ новѣйшей культуры. Съ другой стороны эти взгляды представляютъ уже собою одинъ изъ пунктовъ, гдѣ авторъ не договариваетъ рѣшительнаго слова и отъ неизбежнаго вывода изъ его же сужденій укрывается въ изображеніи такихъ порядковъ, которымъ, можетъ быть, никогда не суждено снизойти на нашу бѣдную землю. Такое отношеніе авторъ проявляетъ не только къ экзаменамъ, но и къ другимъ порядкамъ или скорѣе безпорядкамъ нашей школы. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ этихъ случаевъ.

Краснорѣчиво и совершенно основательно осудивъ систему экзаменовъ, авторъ вмѣсто того, чтобы сдѣлать естественный выводъ изъ этой критики, вдругъ отступаетъ назадъ и спрашиваетъ: „значитъ-ли это, что экзамены вовсе не нужны? Нѣтъ,—они нужны, они полезны, они могутъ возбуждать школу и оживлять учебное дѣло, но лишь въ томъ случаѣ, когда сама школа *живетъ*..... Когда ученикъ гото-

вигается къ экзамену, въ умѣ у него происходитъ художественная работа — какъ собрать, сопоставить и лучше выразить то, что ему предложено будетъ высказать на экзаменѣ. И учитель думаетъ, о чемъ ему спросить мальчика, — не выдергивая только отрывочные вопросы изъ программы, не разыскивая по одной памяти ученика имена, цифры и формулы... Въ этомъ видѣ экзаменъ перестанетъ быть мучительной инквизиціей мнимыхъ знаній, но получитъ разумное значеніе¹⁾. Все это очень заманчиво. Но вотъ вопросъ, гдѣ тѣ условія, которыя бы сдѣлали возможными *такіе* экзамены. Если имѣть въ виду частную, семейную школу, то тамъ такія идеальныя испытанія еще мыслимы; за то они едва-ли здѣсь нужны. Но такія школы во всякомъ случаѣ не могутъ идти въ счетъ при обсужденіи вопроса. Въ школахъ обыкновенныхъ экзамены являются испытаніемъ болѣе для учителя, чѣмъ для учениковъ. Учитель часто и радъ бы не быть тираномъ своихъ питомцевъ, но его вынуждаютъ дѣлать это. Экзаменъ — это выставка и часто по необходимости обманчивая: учитель напрягаетъ всѣ силы свои и своихъ питомцевъ, чтобы показать себя хорошимъ работникомъ. На экзаменахъ оцѣнка его можетъ быть только самая поверхностная: и онъ приспособляется самъ и приспособляетъ учениковъ къ этимъ поверхностнымъ требованіямъ. Отсюда вѣшній трескъ, иногда блескъ, притупленіе экзаменуемыхъ, разбитые нервы, расшатанное здоровье, ненависть къ преподаваемымъ *такъ* предметамъ и прочіе дѣйствительные плоды дѣйствительныхъ экзаменовъ. Чтобы уничтожить зло, его надо посячь въ корень. Никакія частичныя поправки тутъ не помогутъ ¹⁾.

Въ совершенно такое же отношеніе, какъ къ экзаменамъ, авторъ становится къ положенію учащаго персонала. Онъ ярко изображаетъ дѣйствительность. „Въ городѣ, тѣмъ болѣе въ большомъ городѣ, учитель представляется какимъ-то наемникомъ учебнаго труда, изнывающимъ въ тоскѣ своего

¹⁾ Вопроса объ экзаменахъ авторъ касается здѣсь, конечно, не во всей его сложности, а лишь постольку, по скольку это нужно для характеристики сужденій рассматриваемаго изданія. Экзамены — необходимая составная часть господствующей нынѣ системы обученія и не отдѣлимы отъ нея, а потому и уничтоженіе ихъ не мыслимо безъ предварительной реформы всего школьнаго дѣла. *Прим. ред.*

званія, и учительство принимаетъ видъ ремесла. Въ непрестанной заботѣ о хлѣбѣ насущномъ для себя и для семьи своей, — безъ интереса, безъ одушевленія несетъ онъ по-денный трудъ, перебѣгая или перебѣзжая изъ одного учебнаго заведенія въ другое на уроки, и всюду является усталый, раздраженный, утягивая нерѣдко минуты и четверти часа изъ каждаго урока и не посвящая труда своего ни одной изъ школъ, въ коихъ учительствуетъ. Какъ ему знать учениковъ своихъ, какъ слѣдить за ихъ способностями и развитіемъ? Остается ему только давать урокъ, предлагать вопросы и на отвѣты ставить безличныя цифры отмѣтокъ. Рѣдко можно встрѣтить учителя довольнаго трудомъ своимъ, мѣстомъ и положеніемъ—онъ поглощенъ заботою объ улучшеніи своего быта и высмариваніемъ, гдѣ бы лучше устроиться въ другомъ мѣстѣ“. Эти слова—живая дѣйствительность. Что же дѣлать? Нельзя же вѣдь хладнокровно относиться къ тому, что молодое поколѣніе находится подъ вліяніемъ *такихъ* пѣстуновъ. Авторъ къ сожалѣнію и на этотъ разъ уклоняется отъ единственно возможнаго въ данномъ случаѣ отвѣта и укрывается въ изображеніи такихъ порядковъ, которые не наступятъ никогда. „Учитель-ремесленникъ, учитель-чиновникъ не годится для живого дѣла. Учитель долженъ быть подвижникомъ своего дѣла, полагающимъ душу свою въ дѣло воспитанія и обученія“... Мы отъ всего сердца подписываемся подъ этими прекрасными словами. Но вѣдь между тѣмъ положеніемъ вещей, которое эти слова *задаютъ*, и тѣмъ, которое *даютъ* дѣйствительныя условія жизни, разверзается непроходимая пропасть. Какъ перейти ее? Какъ и вездѣ, и здѣсь надо искать середину: *medio tutissimus ibis*. Прежде всего, чтобы получить что-либо дѣйствительно возможное, надо ограничить требованіе подвижничества. Основывать работу пѣлаго сложнѣйшаго учрежденія человѣческаго на одномъ сплошномъ подвижничествѣ и безкорыстїи значитъ заранѣе обречь эту работу на неудачу. *Le pur désintéressement entre d'ordinaire pour assez peu de chose dans les institutions humaines*, замѣчаетъ одинъ изъ наиболѣе даровитыхъ изслѣдователей человѣческихъ установленій. Подвижничество для учителя должно оставаться *заданнымъ*. Но требовать, чтобы оно всегда и во всѣхъ случаяхъ было *даннымъ*, значитъ предъявлять къ дѣй-

ствительности запросы, на которые она едва-ли когда-либо отвѣтитъ.

Но не поднимая учителя на высоту, на которой онъ, какъ человѣкъ, держаться не можетъ, мы не думаемъ отрицать, что служба его есть служба чрезвычайно отвѣтственная. Высокая важность дѣла воспитанія и обученія налагаетъ особыя обязанности на руководителей подростящаго поколѣнія, но не только на нихъ однихъ. У насъ какъ то такъ случилось, что вся отвѣтственность стала падать на однихъ учителей. Произошло тоже, что происходитъ на желѣзныхъ дорогахъ: при крушеніяхъ поѣздовъ оказываются виноватыми только машинисты, да стрѣлочники. Нѣтъ, великая важность школьнаго дѣла предъявляетъ повышенныя требованія не только къ учителямъ, но и къ обществу и правительству. Если учительскій персоналъ у насъ находится въ такомъ положеніи, какъ представляетъ издатель брошюры, то ктоже тутъ виновать? Учителя получаютъ такіе оклады, при которыхъ живутъ впроголодь. Голодать не любитъ никто; отсюда лишніе уроки иногда въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ по предметамъ, какіе попадутся подъ руку; отсюда неудовлетворенность, переутомленіе, нервность, раздраженіе. Дома тоже нѣтъ отдыха: если есть семья, то вѣчныя недочетки, а тамъ подготовка на завтра и тетрадки. тетрадки безъ конца, до отупѣнія и нервного разстройства. Не мудрено, если при такихъ условіяхъ преподаватель часто бываетъ „поглощенъ высматриваніемъ, гдѣ бы лучше устроиться на другомъ мѣстѣ“. И нечему тутъ удивляться. Можно удивляться, наоборотъ, только тому, что бѣгство слава Богу, не принимаетъ повальнаго характера. А вотъ, вотъ оно приметъ его. Нашимъ духовнымъ академіямъ и семинаріямъ начинаютъ уже угрожать таже опасность, какая давно грозитъ филологическимъ факультетамъ и гимназіямъ. Есть и тревожные симптомы. Можетъ быть, не далеко то время, когда наши академіи будутъ принимать не избранныхъ студентовъ семинаріи, а какіе попадутся. Такіе по окончаніи курса на мѣстахъ службы будутъ стоять вдали отъ идеальныхъ требованій уже по необходимости, не смотря ни на какія измѣненія къ лучшему условій ихъ службы.

И такъ, изъяны въ работѣ теперешняго учащаго персонала нужно ставить не въ счетъ этому персоналу, а въ счетъ

тѣмъ невыгоднымъ условіямъ, среди которыхъ ему приходится работать и которыя измѣнить зависитъ не отъ него.

Въ заключеніе мы остановимся на отношеніи автора къ методамъ обученія. Отношеніе это отрицательное. „Когда слышишь нашихъ ученыхъ педагоговъ, говорить онъ, они, кажется, думаютъ, что ихъ научныя правила даютъ имъ въ руки универсальное средство сдѣлать что угодно съ живымъ матеріаломъ, который дается въ руки учителю. Точно въ рукахъ у него мягкій воскъ, изъ котораго человѣкъ, обладающій техникой, можетъ лѣпить какія угодно фигуры. Къ счастью не то выходитъ на дѣлѣ, и эта техника сама по себѣ оказывается мертвящей буквой. Педагоги эти не понимаютъ, что каждый классъ изъ 20, 30, 40 дѣтей есть живое существо, живущее своею жизнію, имѣющее свою душу, и что въ эту душу учителю предстоитъ проникнуть“.

Что самый хорошій методъ въ рукахъ плохого учителя можетъ дать смѣшные или плачевные результаты, это безспорно. Но дѣлать отсюда заключеніе о бесполезности методовъ обученія и „научныхъ правилъ“ воспитанія совершенно не позволительно. Не боясь преувеличенія, мы утверждаемъ, что именно улучшенные способы обученія даютъ возможность теперь достигать въ школахъ такихъ результатовъ, какіе въ эпоху букво-сочетательнаго способа и розги были совершенно не мыслимы. Конечно, и букво-сочетательный способъ дастъ въ рукахъ особо даровитаго учителя хорошіе плоды, но только даровитаго. Школа же, какъ всякое человѣческое учрежденіе, да еще поставленное въ особо неблагоприятныя условія, не можетъ рассчитывать на одни „дары“: она имѣетъ дѣло съ среднимъ работникомъ. А для такого работника чужой опытъ, суммированный, проверенный, очищенный, объясненный и возведенный въ точныя научныя правила и совѣты,—великое дѣло. Безъ указаній теоріи учитель часто долженъ мучительнымъ путемъ и для себя и для дѣтей открывать такія истины, которыя давно извѣстны и извѣшены. И мы недоумѣваемъ, почему издателю брошюры кажется, что знаніе этихъ правилъ будетъ мѣшать учителю проникнуть въ душу класса. Совѣтъ напротивъ: начитанность въ литературѣ педагогической изощритъ скорѣе чуткость учителя, чѣмъ притупитъ ее, дастъ ему испробованный ключъ къ дѣтской душѣ и избавитъ отъ

необходимости бесплодно стучаться въ нее. Мы не рѣшаемся развивать далѣе мысли о необходимости для учителя читать, читать всегда по теоріи его работы. Это такая максима педагогической науки, что ее какъ-то неловко даже защищать—особенно послѣ такой блестящей защиты, какая когда-то была ведена покойнымъ Ушинскимъ.

Съ ограниченіями и оговорками, нами сдѣланными, мы охотно рекомендуемъ новую брошюру К. П. Побѣдоносцева, какъ чтеніе поучительное и освѣжающее.

И. Андреевъ.
